

Н.Ф. Ольшанского о брате: «В электромеханической школе он был одним из лучших учеников. После ее окончания был направлен в бригаду эсминцев командиром отделения машинистов-турбинистов. Для прохождения дальнейшей службы направлен в электромеханическую школу на должность преподавателя. За отличную подготовку кадров был награжден значком «Отличник ВМФ» [7, с. 382]. Должность инструктора в электромеханической школе К.Ф. Ольшанский совмещал с увлечением парусным спортом. По результатам летних соревнований в Севастопольском яхт-клубе в 1940 г. получил жетон чемпиона ЧФ по парусному спорту.

В 1939 г. из Курска в Севастополь к мужу приехала любимая жена Екатерина. 8 августа 1940 г. в семье Ольшанских появились счастливые заботы – родился сын, названный в честь летчика Валерия Чкалова. Великая Отечественная война подвела черту довоенной биографии К.Ф. Ольшанского, застав его за преподавательской деятельностью командира-инструктора электромеханической школы УО ЧФ. В январе 1941 г., после окончания курсов младших лейтенантов с отличием, ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Документы свидетельствуют о том, что К.Ф. Ольшанский «зачислен в начальствующий состав школы УО ЧФ» [1].

Анализ «Приколотнянского» (1915–1925 гг.), «Белгородского» (1925–1932 гг.), «Курского» (1932–1936 гг.), «Севастопольского» (1936–1941 гг.) периодов биографии К.Ф. Ольшанского дает основания утверждать о его самореализации как выходца из крестьянско-рабочей среды, с акцентом на осуществление основного замысла жизни – военной службы на ЧФ (от курсанта до командира-инструктора Севастопольской электромеханической школы). Отличная физическая подготовка, достижения в различных видах спорта, успешная педагогическая деятельность в электромеханической школе свидетельствовали о стремительном росте его военной карьеры, овладении лучшими лидерскими и командирскими качествами. В дальнейшем К.Ф. Ольшанскому предстоит пройти самые яркие этапы своей военной биографии: участие в Севастопольской битве (30.10.1941 – 4.07.1942 гг.) в качестве командира взвода УО ЧФ; служба на Кавказе (база УО ЧФ в г. Потти); формирование 384-го ОБМП в г. Ейске (1942–1943 гг.); участие в Таганрогской и Мариупольской десантных операциях (1943 г.); командование легендарным Николаевским морским десантом 25–28 марта 1944 г.

ЛИТЕРАТУРА

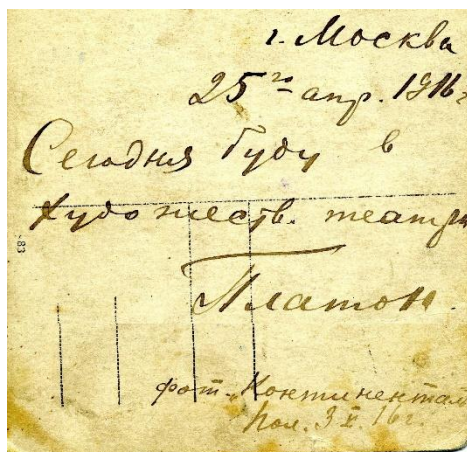
1. Аттестационный лист о присвоении воинского звания младшего начальствующего состава (младший лейтенант) по приказу Народного Комиссара ВМФ, 10 января 1941 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского, пгт. Приколотное Великобурлукского района Харьковской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyansky-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
2. Димке, Д. В. Советское детство: модель для сборки / Д. В. Димке // Седьмые чтения памяти В. Иоффе. Право на имя. Биографика XX в. – СПб., 2010. – С. 114–120.
3. Запись из алфавитной книги электромеханической школы УО ЧФ г. Севастополь, 1939 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyansky-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
4. Запись из метрической книги о рождении Константина Ольшанского 26 мая 1915 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyansky-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
5. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.
6. Свидетельство об окончании К. Ольшанским 7-летней Белгородской школы, 16 июня 1930 г. // Из экспозиции Музея Героя Советского Союза К. Ф. Ольшанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omctur.kh.ua/org/rykolotnyansky-muzey-geroya-radyanskogo-soyuzu-kfolshanskogo>. – Дата доступа: 15.10.2016.
7. Цыганов, В. И. «...от «Меча» и погибнет!» / В. И. Цыганов. – Николаев : Издатель Гудым И. А., 2011. – 448 с.
8. Ямпольська, Л. М. Миколаївський морський десант під командуванням К.Ф. Ольшанського (25–28 березня 1944 року): подвиг чи трагедія міфу? / Л. М. Ямпольська // Військово-історичний меридіан. Електронний науковий фаховий журнал. – Вип. 1 (23) / Національний музей історії України у Другій світовій війні. Меморіальний комплекс, Ін-т історії України НАН України. – К., 2019. – С. 104–119.

МНЕ ЕСТЬ КЕМ ГОРДИТЬСЯ...

Карчевский Г.И. (г. Москва, Россия)

С 28 июля 1914 года по 11 ноября 1918 г. в Европе полыхала I Мировая война, принёсшая человечеству много бед. Не обошла она стороной и род Карчевских, ведь 100 лет назад на фронтах этой войны погиб мой родной дядя, юный офицер русской армии Платон Карчевский. Ему, в основном, и посвящаю свой очерк.

Прошёл век с начала той далёкой войны. Пора уже разобраться, кто с кем воевал. К 1913 году на первое место в Европе вышла Германия – могущественное империалистическое государство. По праву сильного в этом империалистическом мире потребует Германия для себя места под солнцем, то есть колониальных пространств. Однако ход истории не очевиден. Есть и второй план у этой войны. Англо-саксонский мир в лице Великобритании из века в век, добываясь мирового господства, подлыми и коварными способами сталкивает между собой народы и государства, чужими руками уничтожает своих соперников. У Германии был план запо-

лучить колонии, а у Великобритании – превратить в пыль и пепел Германию, Францию и Россию. Это была не просто империалистическая война, это была война в интересах Антанты, а точнее, одного государства – Великобритании. Единственной страной, которая вела тогда справедливую войну, была Сербия, явившаяся после Сараевской провокации 1914 года объектом австро-германской агрессии. Именно события в Сербии и желание помочь славянским братьям по вере ускорило ответ России на австро-венгерскую агрессию на Балканах. Ровно через 85 лет Россия снова заступится за сербов, правда, безрезультатно...

Всем известны итоги той мировой бойни, а они весьма печальны: в войну было вовлечено тридцать восемь государств. Численность действовавших армий превышала двадцать девять миллионов человек. Потери воевавших стран составили более десяти миллионов человек. Были сравнены с землёй некогда цветущие города и сёла, а с политической карты Мира исчезли четыре могучих империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. Десятки стран схватились на континенте, забыв про колонии. Миллионы людей исчезли в пожарах сражений, а кому это выгодно? Куда отправился золотой запас? Всё туда же, к нашим «союзникам». Цвет германской, российской и французской наций покинул этот мир. Но самые большие людские потери понесла Россия, оставив на полях сражений пять миллионов человек.

Война задела и нашу семью, ведь среди погибших героев был и мой дядя Платон Карчевский, родной старший брат моего отца Иосифа Карчевского. А многие родственники как по линии моей матери, так и по линии отца стали в ту пору беженцами, гонимые войной. Как о настоящем герое рассказывали о дяде Платоне моя покойная матушка Надежда Мартиновна и старшая сестра Прасковья Иосифовна.

Выпуск Свислочской Учительской семинарии. 1910-1914 г. Слева лежит Платон Карчевский, будущий участник Первой мировой войны.

Снимок из архива семьи Карчевских. Платон Карчевский (справа) со своим другом-однополчанином. На обороте рукою Платона надпись: 1915 г., г. Козлов. Память дней, прожитых вместе в 64 запасном батальоне.

Платон Евстафиевич Карчевский по национальности белорус, родился в 1895 году в деревне Рыболы Бельского уезда Белостокской губернии Западной Белоруссии, ныне это Польша. Там прошло его детство, а учился он в Учительской семинарии тихого белорусского городка Свислочь, что находится на территории нынешней Гродненской области Белоруссии. Семинария готовила народных учителей, по нынешним меркам это что-то вроде педагогического училища. Мои родственники вспоминали, как дедушка Евстафий (отец моего отца) частенько ездил на подводе в Свислочь проведать своего сына семинариста даже зимой, в мороз. Вспоминали, как юноша, приезжая домой на каникулы, делал по утрам зарядку – на удивление своим домочадцам и соседям... После Семинарии Платон поступил в военное училище, но вот в какое именно, семейная память не сохранила. Возможно, дядя учился в Москве, однако утверждать точно не берусь. Знаю лишь, что к моменту, когда Российская империя ввязалась в Первую мировую войну, Платону Карчевскому было девятнадцать лет, и он, молодой офицер, был направлен в действующие войска где-то на Западно-Белорусском участке русско-германского фронта.

История России сохранила образ русского офицера как человека образованного, интеллигентного, воспитанного в духе патриотизма, беззаветной преданности Царю и Отечеству. Именно такие офицеры (не в пример некоторым нынешним...) составляли в большинстве своём интеллигентную прослойку, элиту общества. Не сомневаюсь, что именно

таким офицером был и мой дядя – Платон Евстафиевич Карчевский. Порядочный человек, честный и смелый офицер. Помимо отличного знания военного дела и хорошей физической подготовки, его отличало уважительное отношение к своим подчинённым – солдатам, с которыми надлежало вместе идти в бой, вести себя по-солдафонски – не было в его правилах... А ещё, мой дядя неплохо разбирался в искусстве, музыке, любил театр, который непременно посещал, если появлялась хотя бы редкая возможность. Косвенное свидетельство этому – его собственноручная надпись на обороте фотографии: «г. Москва, 25 апреля 1916 г. Сегодня буду в Художественном театре». Родственное чутьё подсказывает мне, что дядька мой был жизнерадостным, с открытой душой, нежным и горячим сердцем, и я очень горжусь тем, что в нашем роду есть такой славный и достойный подражания человек.

Уцелевшая часть Свислочской Учительской семинарии, в которой в 1910-1914 годах учился Платон Карчевский. Гродненская область, Белоруссия. Снимок начала 90-х гг. XX века (фото из архива автора)

Много добрых и правдивых слов найдёте вы о наших офицерах в русской литературе. Именно о них писал Михаил Булгаков в своей «Белой гвардии». Правда, в отличие от булгаковских героев, Платону Карчевскому не довелось воевать ни за «белых», ни за «красных». По словам моей матушки (а ей в свою очередь рассказывали родители мужа), в одном из жестоких боёв Платон был тяжело ранен в голову. Его срочно направили на лечение в военный госпиталь, предстояло непростое и длительное лечение. Однако чувство долга перед Отечеством оказалось выше боли. Платон, ещё не вполне выздоровев, покинул госпиталь и вернулся на фронт. Только недолго пришлось ему воевать на этот раз. Судьба готовила герою смерть в юном возрасте: ему едва исполнился двадцать один год. Где-то в конце 1916 – начале 1917-го года во время очередного вражеского артобстрела прямым попаданием снаряда был уничтожен блиндаж со всем находившимся в нём на тот момент командным составом. Был там и мой дядя Платон... О последних минутах жизни Платона Карчевского рассказал его денщик, доставивший родным фанерный чемодан с вещами своего командира.

Моя старшая сестра Прасковья Иосифовна хорошо помнит выпавшее на нашу долю голодное и холодное послевоенное детство. Помнит, как уже после смерти отца четверо детишек согревались в стужу на железной кровати под тонким стареньким одеялом защитного цвета – это было одеяло из того самого фанерного чемодана нашего любимого дяди. Долгие годы оно бережно хранилось как семейная реликвия – ведь кроме него да пары фотографий, больше, по-видимому, ничего и не осталось. А офицерское одеяло долго согревало нас, как сейчас согревает семейная память.

Никто не знает, где именно погиб и захоронен Платон Евстафиевич Карчевский... Когда мне, кадровому офицеру, довелось в девяностых годах прошлого столетия служить в Гродненской области Белоруссии, я нередко посещал тихий, приветливый и такой светлый городок Свислочь в десятке километров от границы с Польшей. Вполне естественно, что я постарался отыскать здание той самой Семинарии, в которой учился когда-то юноша Платон Карчевский. Эти посещения всегда доставляли мне волнительную радость – радость прикосновения к святой для меня памяти. Часть строения была разрушена во время Второй мировой войны, зато на сохранившейся (в ней частично размещена городская больница) была прикреплена мемориальная доска, напоминающая о тех, кто когда-то учился в этом учебном заведении. Чувствовалось, что в Белоруссии умеют хранить свою историю, берегут народную память, и за это я искренне благодарен своим землякам.

Интересное совпадение: как и у дяди Платона, у меня основное образование педагогическое, и единственному из Карчевских, мне довелось продолжить дело, начатое дядей Платоном. Я также всегда старался верой и правдой служить своему народу, Отечеству. Побывал и в горячих точках за пределами нашей страны (ветеран боевых действий...), всегда нёс в себе память о юном герое той давней войны. Он является для меня добрым примером, мой дядя Платон...

В дополнение к рассказу о моём дяде Платоне хочется сказать о том, что это далеко не единственная потеря в роду Карчевских, связанная с войнами в XX веке. Через 20 с небольшим лет в Европе начнётся новая, ещё более жестокая мировая война, а для Советского Союза – Великая Отечественная. Она унесёт жизни ещё двоих славных представителей рода Карчевских. Об этом можно было бы написать отдельный очерк, как и о дяде Платоне, но за скудностью имеющейся у меня информации и краткости ради я ограничусь лишь основными моментами.

К началу Второй мировой войны семья Карчевских проживала на территории Западной Белоруссии в той самой деревне Рыболы. Всего в семье моих прауродителей было четверо детей: дочь Соня (самая старшая) и

три брата – Платон, Георгий и Иосиф (мой отец). Платона на ту пору в живых уже не было. Дядя Егор (Георгий) до войны работал телеграфистом, затем он стал радистом. У него была переносная радиостанция (рация). Имея на руках радиостанцию, Егор со своим братом Иосифом сумел наладить подпольную работу в тылу врага. Вместе они осуществляли связь партизанских отрядов с центром. Таким образом, братьев можно было смело называть партизанами-подпольщиками. По рассказам мамы мой отец Иосиф прятал в подвале своего дома евреев, которых разыскивали по всей Белоруссии. Коммунист Иосиф Карчевский подвергал смертельной опасности свою семью, так как немцы уничтожали не только евреев, но и любых людей, скрывавших их от нацистов. Какой же храбростью нужно было обладать и отцу моему и матери, когда они предоставляли пищу заходившим в их дом немцам, а в подвале их дома в это время, не издавая ни звука, спасались евреи.

Мне не известно как долго велась подпольная деятельность братьев Карчевских. Известно лишь то, что их выдал сосед по фамилии Шкраб. Шкрабать по-белорусски – скрести, царапать, шаркать ногами, а по-польски szkrab – малыш. Так вот этот «малыш» часто гостевал у братьев, ел, пил за одним столом, видимо, втёрся к ним в доверие, а оказался предателем... Георгий был подвергнут жестоким пыткам в ГЕТАПО. От него требовали информацию о дислокации партизанских отрядов, о родственниках партизан, о членах их группы и т.п. Рация, по всей видимости, была конфискована и служила главным вещественным доказательством, не считая, разумеется, доносов и показаний предателя (в конце войны он сбежал вместе с немцами в Германию). Оба брата были членами Польской коммунистической партии, идейными и преданными народу людьми. Довоенные польские власти ненавидели коммунистов, уничтожали их... «В дополнение к социальному и национальному притеснению в Западной Белоруссии господствовал жестокий политический режим и полицейский террор. Репрессировали в первую очередь коммунистов либо сочувствовавших коммунистическому движению. Согласно Уголовному кодексу от 11 июля 1932 г., за принадлежность к Коммунистической партии предусматривалось наказание вплоть до пожизненно-го заключения. За содействие коммунистам было установлено наказание до 5 лет тюрьмы» [2, стр. 199]..... «После заключения в январе 1934 года германопольского договора в стране ускорился процесс насаждения фашизма. В этом же году на территории Западной Белоруссии возле местечка Берёза-Картузская был создан концлагерь, куда без суда и следствия заключали активистов национально-освободительной борьбы, в первую очередь коммунистов и комсомольцев» [2, стр. 205]. Мой отец Иосиф за свои убеждения был подвергнут пыткам ещё до войны в польской тюрьме, где ему заливали в рот, нос и уши горячее молоко, избивали резиновыми дубинками, и эти удары, не оставляя следов на теле, отбивали внутренние органы.

В семейном архиве, к сожалению, не сохранилось фотографии Георгия, но есть фото моего отца – Иосифа Карчевского.

Ничего не добившись от Георгия Карчевского, гестаповцы застрелили его с виска на висок и разбили череп на четыре части прикладами. Его изуродованное тело бросили под забором, не разрешая забрать для захоронения. Однако моей матери удалось задобрить солтыса (soltys) – сельского старосту – принесённым ему на своих плечах бараном, и он позволил ей забрать тело Георгия и похоронить его. Иосифа ожидала не менее тяжкая участь, но ему каким-то чудом удалось бежать из плена.

Война находила своих жертв не только в боях, многие вскоре после Победы уходили из жизни от полученных ранений и увечий. Так случилось и с Иосифом Карчевским, моим отцом – он был настолько искалечен, что ушёл из жизни в возрасте 43 лет 8 августа 1947 года, когда мне было всего 2 годика, и случилось это на земле Северной Осетии. После освобождения Белоруссии Советской Красной армией летом 1944 года её Западная часть отошла к Польше. Вполне естественно, что у отца не было никакого желания оставаться жить дальше на территории Польши после всех описанных здесь событий. Поэтому он охотно согласился на предложение советских властей переехать жить в Советский Союз. «Я хочу жить со своей семьёй в Советском Союзе, а не в Польше...» – сказал тогда мой отец и отправился на воспетый Пушкиным и Лермонтовым Кавказ, куда ещё в середине девятнадцатого века уехал жить один из моих предков – Илья Карчевский. Это было начало 1945 года, когда всё наше семейство: отец, беременная мною мать, брат и две сестры выехали из Западной Белоруссии, вошедшей в состав Польши, в СССР. Так что матери нашей досталась тяжкая женская доля: оставшись вдовой в 33 года среди незнакомых ей людей, в неизвестной для неё стране, с четырьмя детьми мал мала меньше (старшему Ивану было 13 лет, а младшему, мне – всего 2 года, и, вполне естественно, я не знал и не помню своего отца) – она полностью отдала всё своё здоровье и силы на то, чтобы поднять своих деток в те тяжкие, голодные послевоенные годы.

По маминим рассказам отец очень любил своего брата, сильно скучал по нему и, когда в семье появился ещё один мальчик, то он, не задумываясь, назвал его в честь своего погибшего брата. Вот так и появился ещё один Георгий Карчевский, так была заложена продолженная из поколения в поколение семейная традиция имени Георгий и традиция победоносной борьбы за достоинство человека и справедливое общество.

Этот очерк был готов ещё в феврале 2014 года, то есть до Майдана и последующих событий на Украине. И мне захотелось вернуться к написанному уже в свете именно этих событий. Не ради славы бесстрашно рвался в бой молодой офицер Платон Карчевский: «Надо идти сражаться за Веру, Царя и Отечество...» – именно с такими словами покидал он госпиталь, не долечившись, когда возвращался на фронт в свою часть, где продолжали драться с врагом его верные боевые товарищи и где сложил он свою голову... Да будут прокляты все захватнические, несправедливые войны! Войны, в пламени которых сгорает столько людей. Пусть сгинут те, кто их разжигает!

Многие историки до сих пор размышляют: «Могли ли эти войны обойти Россию?». Задаюсь этим вопросом и я, когда думаю о своём юном дяде Платоне, так рано ушедшем из жизни, о дяде Георгии и моём отце Иосифе Карчевском, светлую память о которых я попытался воскресить.

Негодование вызывает во мне тот факт, что по прошествии столетия с Первой Мировой войны, снова гибнут русские люди, славяне, снова полыхает пожар новых военных конфликтов, развязанных всё теми же англосаксонскими подстрекателями, например, украинскими националистами и фашиствующими молодчиками. И происходит всё это совсем рядом с российской и белорусской границей!.. Гибнут наши герои. А быть может пора чётко увидеть своего подлинного врага, прописать его характерные черты и подлый принцип «разделяй и властвуй!» в средствах массовой информации, в учебниках и вывести наших противников на чистую воду? Необходимо погасить внутренние конфликты на нашей славянской земле! Для наших героев найдётся другая работа, пусть враг останется наедине с самим собой и безвозвратно угаснет, осознавая свои чудовищные злодеяния.

Автор очерка выражает признательность своему научному консультанту к.ф.н. Сабодиной Е.П., научному сотруднику МГУ им. М.В.Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал «Российская литература» № 6 за 2014 год. М. : ООО «Издательство «Спутник +» 2014г., стр. 189-194.
2. Пособие для вузов «Гісторыя Беларусі» под редакцией профессоров Я.К. Новика и Г.С. Марцули. Том 2, стр. 199 и 205, (196-214). Мінск, «Універсітэцкае» 1998.
3. Семейный архив Карчевских.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ПЕЧАТИ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Грибков И.В. (г. Москва, Россия)

Одним из наиболее активно используемых в современных исследованиях, посвященных тематике оккупации, источником является периодическая печать. Это связано с усиленным вниманием исследователей к вопросу информационно-пропагандистского противоборства на временно оккупированных территориях СССР. И основой этого противоборства являлись различные виды печатной пропаганды: листовки, плакаты, газеты, журналы, книги. Исследователи информационного пространства оккупации, независимо от научных позиций, политических пристрастий, в большинстве своем солидарны: газетно-журнальный сегмент печатной пропаганды занимал ведущее место в оккупационном информационном поле.

Достаточно традиционно под новейшей историографией понимают научные работы постсоветского периода. Однако, на наш взгляд, под новейшей историографией в контексте темы нашей статьи целесообразно понимать период после 2000 г., когда вышла первая специализированная работа, посвященная русской коллаборационистской периодической печати – исследование Д. Жукова [3]. До этого периода использование материалов периодической печати носило иллюстративный или формальный характер. Своеобразным «завершением» данного историографического этапа стала защита двух кандидатских диссертаций, посвященных комплексному источниковедческому изучению русских газет на оккупированных территориях СССР [1] и комплексному изучению коллаборационистской печати конкретного региона [8].

В современной историографии снят вопрос об источниковедческой ценности коллаборационистской печати: она признана равноправным и одним из важнейших источников по периоду оккупации [7, с. 30]. Тем не менее, в историографии существует ряд проблемных и дискуссионных вопросов.

Прежде всего, дискуссионным является вопрос терминологии. Значительное количество исследователей по сложившейся в советской историографии традиции очень часто для обозначения газет, выходивших на оккупированной территории, использует термины «фашистская газета» (иногда – «профашистская») или «нацистская газета». На наш взгляд использование этих терминов неправомерно, так как обозначение газеты как фашистской (нацистской) подразумевает, что данное издание является полноценным проводником соответствующей идеологии. Термин «пронемецкие газеты» сознательно ограничивает круг изданий исключительно немецкой зоной оккупации, поэтому также не подходит для комплексного обозначения данного источника.

Не до конца верным, по нашему мнению, является наиболее часто употребляемый иногда термин «оккупационные газеты», так как данное определение в узком (структурном) толковании охватывает издания, вы-